

СЮРРЕАЛИЗМ, ФРОЙНДШАФТ И ПОСЛЕДНИЙ КАЙЗЕР

«Лучшим событием в моей жизни была встреча с Максом Эрнстом», — говорит немецкий кинорежиссер Петер Шамони

Михаил Сидлин

ГОСПОДИН Шамони, когда вы впервые оказались в Москве?

— Первый раз я побывал в Москве в 57-м. Я организовал студенческий кино клуб в Мюнхене. Существовала социалистическая организация, которая отобрала студентов из всех стран, чтобы привезти их в Москву и так поддержать социалистические идеи: «дружба», «мир», «фройндшафт». Об этом фестивале я сделал маленький смешной фильм.

— Это был ваш первый фильм?

— Да, сатирический фильм о маршах по стадиону Ленина с флагами. В детстве я состоял в нацистской молодежной организации. Моего отца убили, брат моего отца провел шесть лет в концентрационном лагере, но ребенком я должен был маршировать... В Москве, на стадионе имени Ленина весь этот пропагандистский, контролируемый энтузиазм с громкоговорителями был тем же самым.

Через два года, на фестивале в Вене, я показал этот фильм на киносеминаре... Семинар закрыли, чтобы решить, что делать. Функционеры из Восточной Германии кричали: «Это провокация!» На семинаре присутствовал Иштван Сабо из Венгрии, Макаеве из Югославии. Кажется, Роман Полански тоже там был. Я вышел на сцену и сказал: «Пожалуйста, простите меня, я не фашист, не агент капитализма. Я студент, и это мое впечатление от всех этих вещей. Я люблю русских людей, люблю своих друзей», и так далее и так далее.

Русская девушка из Москвы слушала меня, а после дискуссии подошла ко мне, мы поговорили, пошли на прогулку в Виневаальд — Венский лес. Девушка эта училась у Герасимова...

— Знаменитый курс!

—...и она рассказала про все Герасимову. А потом Герасимов сказал, что надо снять фильм об этом. Два года назад я встретил Наума Клеймана в Париже: «Вы — Питер Шамони. У нас в России есть знаменитый фильм про вас и Рениту Григорьеву». Ренита сделала фильм как свой диплом на курсе Герасимова.

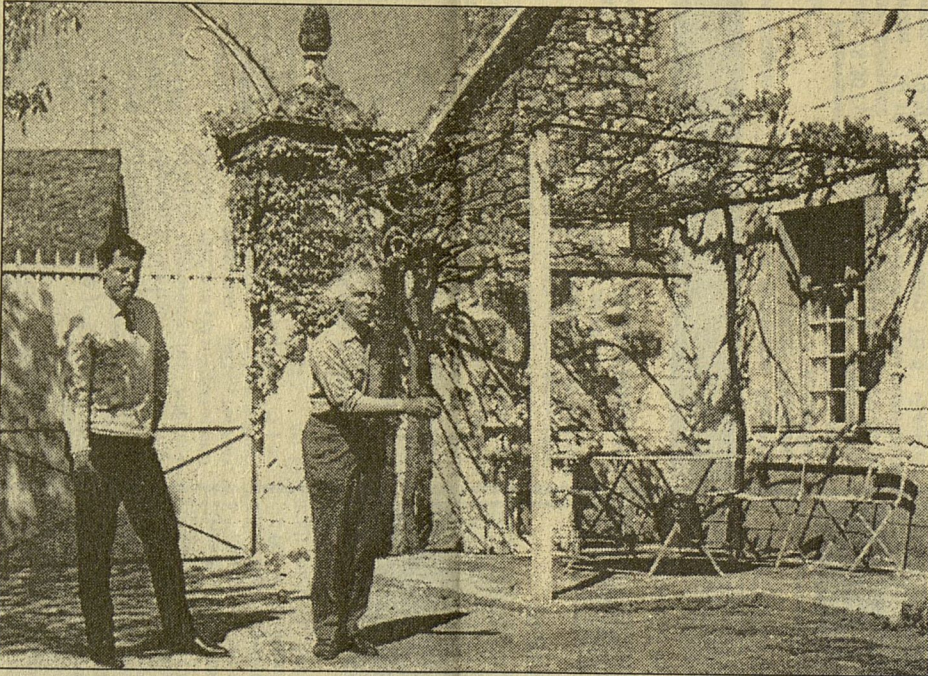
Я рассказал об этом Владимиру Дмитриеву, директору Госфильмофонда, когда смотрел архивные материалы для своего нового фильма. Он ответил мне: «У нас шестьдесят тысяч фильмов, но, может быть, я найду этот». И нашел отличную копию «Виневаальда». Актер, меня игравший, выглядел великолепно (смеется.— М.С.). Первый раз в жизни, сорок лет спустя...

— А как вы начали снимать фильмы о Максе Эрнсте?

— Я сделал два-три десятка документальных фильмов и получил несколько призов на фестивале в Оберхаузене. Один из моих лучших первых фильмов посвящен нацистской архитектуре, потому что та же самая идеология — бесчеловечная, милитаристская — была и в ар-

хитектуре. Нацистская архитектура немного похожа на эту (имеется в виду гостиница «Москва».— М.С.). Официальные здания нацистской партии в Нюрнберге, в Мюнхене очень тяжелые... И я назвал свой фильм «Брутальность в камне»: только камни, только здания и — голос Гитлера. Он говорит так же, как строят дома...

По пути из Оберхаузена, с фестиваля, я увидел выставку Макса Эрнста в Кельне. И воспринял его искусство с большим энтузиазмом. Я сделал документальный фильм про него, потом еще один. И так далее, далее, далее...

Петер Шамони и Макс Эрнст в 1963 г.

Фильм «Мои скитания, мое беспокойство» был сделан три года назад для большой ретроспективной выставки Макса Эрнста.

— В вашем фильме Макс Эрнст выглядит как человек, обладающий магической властью. Это концепция или вы действительно верите в то, что он был таким?

— В мире найдется немного людей, которые обладают такой магической креативностью, как Макс Эрнст. Мне задавали вопрос: «Почему вы так позитивны по отношению к нему?» Чтобы быть критиком, необходима большая дистанция...

— Ваш фильм — скорее мифология, чем критический...

— Да, да... В молодости я страдал от комплекса вины за преступления немцев, фашистов. И в этой ситуации такой человек, как Макс Эрнст, который жил во Франции, говорил бегло по-французски, по-английски,

Петер Шамони (р. 1934) — режиссер из Мюнхена, недавно показывал в Москве свои фильмы о Максе Эрнсте. Документальным кино он занимается с 1957 г. В 1962 г. вместе с 26 другими молодыми немецкими кинематографистами подписал манифест движения «Оберхаузен». Его первый художественный фильм «Хороший сезон для лис» получил специальный приз Международного жюри на Берлинском кинофестивале в 1966 г. В 1973 г. был номинирован на Оскар за «Дождливый день Хундертвассера». «Макс Эрнст — мои скитания, мое беспокойство» (1991), получивший в 1992 г. награду в Монреале как лучшая биография, — не первый и, возможно, не последний фильм Петера Шамони про Макса Эрнста (1891—1976), одного из самых знаменитых художников XX столетия.

ком! И я дал другим людям, друзьям возможность встретиться с этим художником, увидеть его чувства и его творчество.

— Вы делали большие фильмы про романтических художников, таких, как Каспар Давид Фридрих.

— Да, мой самый знаменитый художественный фильм — «Весенняя симфония» — про Роберта Шумана. Это было совместное производство Восточной и Западной Германии. Я — первый, кто перешел государственную границу. Настасья Кински там играла Клару Шуман. Фильм пользовался большим успехом. Я не мог снять романтический костюмный фильм в капиталистической стране — это было слишком дорого. В Восточной Германии, в Бабельсберге, существовала студия ДЕФА, у них сохранилась коллекция старых костюмов, мебель со времен УФА. Приехать с деньгами из Западной Германии и сделать в Восточной Германии картину было очень дешево. Я привлек деньги, потому что я всегда сам был своим продюсером.

Я работал вместе с ДЕФА: моя — идея, их — производство. Я получил права в так называемых капиталистических странах, они — в социалистических. Очень значимая художественная концепция — начало воссоединения Германии. Политический символ! Актеры были счастливы, что кто-то извне приехал работать с ними и дал им возможность сняться в фильме, который показали по обе стороны: на Западе и на Востоке.

— Вернемся к биографии Макса Эрнста. Он обладал большой властью в своих отношениях с женщинами. Как вы думаете, он использовал их или каждый раз это были действительно романтические чувства?

— Всегда любовь, всегда романтические чувства. Я думаю, единственным исключением была Пегги Гуттенхайм, потому что он оказался в очень опасной ситуации. Макс Эрнст был немецким художником, живущим во Франции, потому что принадлежал к так называемому «Энтарте Кунст» (искусство вырождения.— М.С.).

— Но некоторые художники, например Нольде, оставались в Германии.

— Они всегда жили в Германии, и у них не было многоязычных ощущений: они не могли разговаривать по-английски или по-французски. Макс Эрнст уехал в начале 20-х во Францию и жил там как француз. Это была его вторая роди-

на. Он говорил, что тридцать лет жизни в Германии вполне достаточно... И он действительно был французом: у него было французское восприятие. Франция хотела посадить его в тюрьму, потому что он был немцем, а немцы — посадить в тюрьму или убить, потому что он был антифашистским художником. Ситуация была очень опасной. Потому, я думаю, он использовал Пегги Гуттенхайм, использовал ее деньги, чтобы выбраться в Соединенные Штаты. Он был бабником (смеется.— М.С.). Видите на фотографиях — он прекрасно выглядел даже стариком.

— В вашем фильме Макс Эрнст не только маг, но и актер. Я имею в виду то, что можно назвать «искусством жизни».

— Мы в Германии говорим: «человек из Кельна». Кельн отличается от Восточной Германии, от Берлина... Жители Кельна проводят каждый год карнавалы. У Макса Эрнста было это комедиантское чувство. Он был очень серьезен, философски настроен, но играть ему было в радость. Вот почему он играл даже в фильме Бюньоэля «Золотой век»: он был близким другом Бюньоэля... Я никогда не видел фильмов братьев Маркс, потому что они были запрещены в Германии. И Макс сказал: «Ты никогда не видел фильмов братьев Маркс? Как ты можешь делать кино!»

Афиша к фильму Петера Шамони «Кто монстр — ты или я?»

Сюрреалистические комедии братьев Маркс были его любимыми фильмами.

— Как вы думаете, существует ли в искусстве наших дней фигура, подобная Макс Эрнсту?

— Великие художники нашего века жили в

его начале... Они пришли из времени дада, великого революционного искусства. Но из художников моего поколения мне нравится, например, Жан Тенгли, который создает чудомашинны. Я снял фильм о франко-американской художнице Ники де Сен-Фаль и знаменитом швейцарском кинетисте Жане Тенгли: «Кто чудовище: ты или я?» Это мой последний фильм об искусстве.

Мне нравится идея искусства Христо — упаковка Рейхстага. Рисовать картины — это очень традиционно, так много было тех, кто делал это... Но показать огромной аудитории запакованный Рейхстаг или Понт-Неф в Париже — это действительно то, что останется в вашем сознании.

— О чем будет ваш следующий фильм?

— Это будет фильм про последнего немецкого императора Вильгельма Второго. Ничего общего с современным искусством. Он любил архитектуру, он был археологом, он был последним монархистом. Но мне нравится делать фильм про его частную жизнь. Знаете, когда он умер?

— Думаю, в 20-е годы...

— Никто не знает! Это смешно, но даже в Германии, когда я спросил нашего бундес-президента, он не знал. Геншер не знал! Из двадцати человек в Германии только один знает, что Вильгельм умер в 41-м! Он 25 лет жил в изгнании в Нидерландах. У него был там старый замок. Он все еще был очень богатым человеком. Он работал, написал двенадцать книг про свою жизнь. Никто этого не знает! Гитлер хотел получить его обратно в Германию. Но Вильгельм сказал: «У меня нет ничего общего с фашизмом.

Это настоящий позор. Я никогда не вернусь в Германию».

Это фильм о гибельной идее последнего немецкого кайзера инсценировать пьесу о себе, государстве, Рейхе, чтобы создать гезамткунстверк — целостное произведение искусства, как Вагнер. Музыка, декорации, драма. Он хотел сделать гезамткунстверк из себя, из государства, из Рейха. Он чаще всех фотографировался и снимался. Для такой игры он нуждался в сцене. У него была прекрасная многоцветная униформа. И если во время парада шел дождь, он говорил: «Идет дождь, маневров сегодня не будет», — потому что нельзя было сделать фото! У него было пятьдесят фотографов. Потом он учил их быть первыми операторами — они отсняли 50 тысяч метров пленки... Он играл, как актер, не глядя в камеру. Так что Вильгельм Второй был первой немецкой кинозвездой, до Асты Нильсен... Я приехал в Москву, чтобы найти в киноархиве материалы о нем. И — нашел!

